

ГЕОРГИЙ БАЖЕНОВ

ТЫ и Я

КОЛЬЦА ЛЮБВИ

Москва

«Книга по Требованию»

2014

ББК 84(2Рос-Рус)6

Б16

Баженов Г. В.

Б16 Ты и я. *Кольца любви*. — М.: Книга по Требованию, 2014. — 368 с.

ISBN 978-5-7117-0583-3

Книга Георгия Баженова «Ты и я» — это, действительно, «кольца любви», где развитие сюжета и переплетение человеческих судеб «закольцованы» автором в драматическое и напряженное повествование.

Искренность человеческих отношений, правда чувств, самопожертвование женщины во имя любви, детей и семьи — вот чему посвящена книга Баженова.

Читайте и наслаждайтесь, дорогие друзья.

ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-7117-0583-3

© Баженов Г. В. 2010

© Оформление. Издательство
«Книга по Требованию», 2014

ЛЮБЛЮ И НЕНАВИЖУ

Да ведь в чем счастье полагать:
есть счастье праведное, есть счастье грешное. Праведное ни через кого не переступит, а грешное все перешагнет...

Н. С. Лесков

І. Мельниковы

Татьяна лежала на кровати, положив руки под голову; за стеной, у Надежды, гремела музыка, слышались смех, шутки; несмотря на шум, сын Татьяны Андриушка спал спокойно и безмятежно — сказывалась многолетняя привычка.

Татьяна лежала в полной темноте, с открытыми глазами; ждала, как всегда, мужа.

Скрипнула дверь, и послышался возбужденный шепот Надежды:

— Тань, ты спишь?

Татьяна молчала.

— Ведь не спишь, — продолжала Надежда. — Пойдем к нам, слышь, Таня?..

Татьяна не ответила; Надежда потихоньку прошмыгнула в дверь, вслепую подошла к кровати, присела рядом с Татьяной. Вздохнула:

— Все ждешь? Эх, Танька, Танька, губишь свою молодость...

От этих слов, сказанных искренне-горячо и горестно, Татьяне стало совсем худо.

— Не спишь? — наклонилась над ней Надежда; дыхание ее было шумным и горячим.

— Нет, — наконец подала голос Татьяна: молчать дальше было неудобно — Надежда хорошо знала ее, знала, что Татьяна не могла уснуть, когда Анатолий подолгу не возвращался домой.

— Вот видишь, не спишь... А чего тогда молчишь? — снова горячо и убежденно зашептала Надежда. — Чего расстраиваешь себя? В твои то годы да так мучиться... Ну, встряхнись, опля — и к нам...

— Нет, Надя, ты иди. Я одна хочу побыть...

Видно, Надежда обиделась, что ее порыв Татьяна встретила так холодно, — немного помолчала и, пожав плечами, сказала:

— Ну, как знаешь... Тебе же хуже. — Встала и пошла к двери.

Но вдруг остановилась, постояла, как бы глубоко задумавшись о чем-то, раскачиваясь в такт своим мыслям, а затем шагнула чуть в сторону, к кровати Андрюшки, и опустилась перед ним на колени, прошептала что-то, погладила его вихрастую голову.

Андрюшка спал глубоко, будто обморочно, за день намаившись в ребячьей беготне до последнего предела, — что ему чей-то шепот, чужая женская ласка... Он спал, Надежда стояла пе-

ред его кроватью на коленях — все это было хорошо видно, потому что сквозь щель приоткрытой двери пробивался в комнату яркий коридорный свет, и Татьяна смотрела на них, поймав себя на странной мысли: Господи, да что же это такое, наша жизнь?! Она знала: Надежда была искренна сейчас, не играла и не прикидывалась, потому что всегда относилась к Андрюшке с нежностью, даже с каким-то истовым обожанием, которое было трудно понять до конца. Трудно было понять причину, истоки этого обожания. Может, ей тоже хотелось сына? Но ведь, родив когда-то Наталью, которая на будущий год должна уже окончить школу, Надежда дала себе зарок — больше никогда не рожать. И сами роды, и вся последующая семейная жизнь оглушили ее, и ничего теперь не хотелось... Тогда откуда это обожание Андрюшки, совсем чужого для нее мальчика? Вот чего никак не могла понять Татьяна. Как вообще в последнее время она многое не могла понять: мир как бы раскололся для нее на мелкие осколки — и собрать их воедино недоставало сил, она постоянно стремилась осознать этот мир, ухватить его мыслью, догадаться о главном, что составляет смысл человеческой жизни... А вместо этого, вот как сейчас, когда она лежит в кровати, а Андрюшка спит, а перед ним на коленях стоит Надежда и гладит его голову рукой, вместо этого она переполнена невыразимой тоской: Господи, да что же это такое — наша жизнь?! Что это?!

Надежда поднялась наконец с пола, постояла еще немного рядом с кроватью Андрюшки и вдруг, не оборачиваясь к Татьяне, сказала не шепотом, а почти в полный голос:

— А что, если они не наши дети, а просто другие существа? С какой-нибудь неизвестной планеты?

Татьяна ничего не ответила, потому что не знала, что отвечать, да и вообще — как можно всерьез воспринимать такие вопросы?

— Ладно, я пошла! — Надежда как бы сама отмахнулась от своего вопроса. — Захочешь — приходи. Слышь, Таня?.. — и закрыла за собой дверь.

Татьяна вновь окунулась в тягучее оцепенение... потом, кажется, она уснула. Еще потом, вздрогнув, с тяжелой головной болью вынырнула из сна, — а может, из оцепенения — и, хмурясь, проклиная себя за слабохарактерность, подумала: нет, так можно сойти с ума, нужно встать и попробовать чем-нибудь заняться... Как всегда, она обманывала себя, потому что, когда она ждала, она только ждала, и это состояние унижительного, порабощающего душу ожидания не могла перебить ни сном, ни посторонним делом. Татьяна привстала, села на постели, но ноги ее так и не ступили на пол, — она застыла в неудобной позе, как будто забыв не только свою мысль, но и самое себя тоже, кто она, где она, зачем она... За стеной продолжалось веселье, гремела музыка, а Татьяна все сидела на кровати не шелохнувшись, не думая ни о чем, в полной прострации...

Щелкнула замком входная дверь, и Татьяна разом напряглась как струна: Анатолий? Нет, это был не он. По быстрым легким шагам, по тому, как небрежно и свойски были сброшены с ног туфли, Татьяна догадалась: Наталья. Навстречу ей вышла из комнаты Надежда — Татьяна услышала их разговор, резкий, непримиримый голос Натальи и виноватый, оправдывающийся голос Надежды, потом все смолкло — обе, вероятно, ушли на кухню. Татьяна знала: вскоре Наталья постучится к ней в комнату, — гостей матери Наталья выносила с трудом и при всяком случае старалась сказать им что-нибудь колкое, а то и оскорбительное. Конечно, мало кто всерьез обращал внимание на выходки девчонки, все считали — это так, возрастное, обыкновенная грубость и невоспитанность современной сопливой молодежи, для которой нет ничего святого на свете...

Уверенная в том, что Наталья с минуты на минуту может прийти к ней, Татьяна заставила себя встать, включила настольную лампу, достала из платяного шкафа белье и, поудобней расположившись в кресле, занялась починкой. Со стороны все выглядело так, будто Татьяна, тихая, счастливая, умиротворенная, давным-давно сидит и чинит белье... Так именно и показалось Наталье, когда через несколько минут она действительно заглянула в комнату к Татьяне.

— Во, хоть один нормальный человек! — сказала Наталья обрадованно. — Привет, Тань! Трудисься?

— Здравствуй, Наташа! — ровно ответила Татьяна, скрывая внутреннее свое состояние. — Проходи, чего в дверях стоишь?..

Наталья села на стул, небрежно красивым движением закинув ногу на ногу. Гибкая, стройная, в короткой — с широким поясом — куртке-ветровке, она казалась совсем взрослой, уверенной в себе, и только душа ее, знала Татьяна, была еще детская, неокрепшая...

— Слушай, а где твой Анатолий? — спросила Наталья.

— Спроси чего-нибудь попроще. — Татьяна продолжала заниматься починкой, не поднимая глаз на Наталью.

— Да, проблема... — вздохнула Наталья, и в голосе ее звучали (странно для Татьяны) нотки пожилой, немало повидавшей в жизни взрослой женщины. — А у нас вон, слышишь, гуляют...

— Знаю. — Татьяна откусывала нитку, и это «знаю» прозвучало хлестко, как будто зло.

— Приглашали?

— Надежда заходила.

— Слушай, Тань, скажи — только честно. Тебе нравится моя мать?

— Нравится, — без колебаний ответила Татьяна.

— Знаешь, она всем нравится... вокруг нее так и выются. А меня зло берет! Дура я?

— Ревнуешь, — спокойно сказала Татьяна.

— Я — ревную?! — возмутилась Наталья. — Да мне плевать на нее. Просто обидно — и все.

— Чего обидно-то? — спросила Татьяна, хотя могла и не спрашивать: разве она не знала жизни соседей?

— Обидно, что отец с матерью как кошка с собакой... А тут все вьются... и чего надо? Так бы и засунула всех в мясорубку!

Татьяна улыбнулась на эти слова: эх, Наталья, Наталья...

Татьяна была старше Натальи на семь лет, к тому же Наталья — всего лишь девятиклассница, а Татьяна — замужняя женщина, у нее вон Андрюшке шесть лет, через год в школу пойдет, и все-таки, несмотря на разницу в возрасте, Татьяна с Натальей говорили на «ты», что-то в них — в обеих — было такое, из-за чего ну никак не представишь, чтобы они обращались друг к другу на «вы», — по духу и по душе они походили, пожалуй, на сестер-близнецов.

В дверь квартиры неожиданно позвонили. Татьяна невольно вздрогнула, хотя это никак не мог быть Анатолий: у него был свой ключ и в дверь он никогда не звонил, даже если приходил совсем поздно.

— Два звонка. К нам, — иронически усмехнулась Наталья. — Мало их там, так еще кто-то вспомнил...

— Пойди открой, — сказала Татьяна.

— Сами разберутся.

Действительно, дверь открыли, но почти сразу к Татьяне заглянула Надежда.

— Тань, к тебе. — И без перехода добавила, обращаясь к дочери: — Выйди, пожалуйста. Ты мне нужна.

— Это еще зачем? — пробурчала Наталья, но спорить не стала, поднялась со стула. Встала с кресла и Татьяна, так что из комнаты они вышли вместе.

В прихожей Татьяна увидела мать; та все еще стояла у порога, маленькая, в обтрепанном пальто, не решаясь раздеваться, пока не увидит Татьяну.

— Ты что же два раза звонишь? — в который раз проговорила Татьяна. — К нам один звонок.

— Путаюсь. Как ни приду, так путаюсь, — развела руками мать.

Татьяна помогла ей снять пальто, подала тапочки. Мимо них прошел рослый, с обвисшими усами парень. Обронил иронически и хмельно:

— Добрый день, граждане... Извините!

Мать посторонилась, а Татьяна и внимания на него не обратила, хотя видела его у Надежды не в первый раз. Однажды он даже сказал ей: «Какая симпатичная девушка — и такая сердитая! Чес-слово, загадка природы!..» Но Татьяна и бровью не повела — она вообще не любила гостей Надежды. Почему? Сама не знала. Ну, пьют, ну, веселятся, ну, шумят — но разве этого достаточно, чтобы понять и узнать людей?

— Чай будешь? — спросила Татьяна у матери и, когда та кивнула, добавила: — Пойдем на кухню. Андрюшка спит, так что там будет удобней.